

313418

ПРОВЕРЕНО 48 г.

НЕ ДОН НО ВМЕ.

Л. ГРЫЗЛОВА

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

ОГИЗ

1942

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Научно-издательский отдел УГА НКВД СССР

Во время первой мировой империалистической войны в Германии вышла книжка „Новый восточный край“. В этой книжке, проповедующей необходимость движения на восток и порабощения славян, интересным является страх перед могучим славянским народом и его полководцами. „Кто может поручиться,—воскликает автор,—что русский народ не может выдвинуть гениального военного организатора? Почему не родиться новому Суворову?“

Имя Суворова, даже спустя более чем столетие после смерти знаменитого полководца, вызывало трепет среди „бравых“ германских завоевателей. Это и неудивительно. Среди немногих военных гениев мира Александр Суворов занимает выдающееся место.

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1730 года в Москве. В детстве он отличался весьма слабым здоровьем. Родители готовили худенького болезненного мальчика к гражданской службе. Но к удивлению всей семьи Александр с малых лет решил стать военным. Целые дни он проводил в библиотеке своего отца, изучая произведения военных писателей. Маленький Суворов был знаком с такими книгами, которые были не по плечу даже многим взрослым. Он тщательно чертил карты, в подробностях изучал походы древних полководцев. Вместе с этим он систематически готовил себя к трудной, полной лишений и опасностей жизни воина.

В холодные, ненастные дни он совершал длинные прогулки, спал на сене, вставал рано утром и обливался холодной водой. Отец Александра смотрел на все эти поступки сына как на детские увлечения и только посмеивался, когда маленький солдат отказывался от теплой, мягкой постели. Но однажды прои-

зошел случай, который коренным образом изменил взгляды Василия Ивановича Суворова на будущую судьбу сына.

В гости к Суворовым приехал старый друг семьи, генерал Ганнибал, прославленный Пушкиным в знаменитом романе „Арап Петра Великого“. Ганнибал зашел в комнату Александра и был поражен, увидев его за кучей книг и самодельных карт. Между старым генералом и мальчиком завязалась оживленная беседа. Александр смело вступил в спор с опытным военачальником, защищая свою точку зрения о прочитанных книгах. При этом он проявлял такую осведомленность в вопросах военной истории, что Ганнибал немедленно пошел к отцу и заявил, что мальчик имеет несомненный военный талант и должен посвятить себя военному искусству. Это решило судьбу Александра Суворова.

Военная служба, которую в 1746 г. Суворов начал с самых низших офицерских должностей, дала ему возможность познакомиться с тяжелой жизнью солдат, изучить их нрав, психологию, их боевой дух. Она развила в нем любовь к солдатской массе и уверенность в непобедимости русского солдата. Он увидел, что русский солдат полон богатырской силы, сломить которую не может ни одна армия в мире. И в дальнейшем он доверял своим солдатам, полагался на них в самые ответственные моменты, и не ошибался. Идя за своим любимым командиром, люди забывали о голоде, усталости и лишениях. Они отважно шли в атаки, занимали неприступные крепости, показывая чудеса храбрости и героизма. Добиться этого мог только популярный, пользующийся неограниченным доверием полководец.

Находясь на службе в Семеновском полку, Суворов стремился изучить и познать военное искусство. С неослабной энергией он занимался самообразованием и этим отличался от остальной офицерской среды. Будучи образованнейшим человеком своей эпохи, Суворов всю свою жизнь работал над собой, любил поэзию и сам писал стихи. Даже в походы он брал с собой книги.

В 1754 году Суворова производят в офицеры.

В 1757 г., когда началась так называемая семилетняя война, он рвется на поле боя.

В семилетней войне, которую вели ряд европейских государств, Россия выступала против прусского короля Фридриха II. Армия Фридриха считалась в этот период непобедимой. И она действительно одержала не одну блестящую победу над французами и австрийцами. Но как только на поля сражений выступили русские солдаты, звезда прусского полководца печально закатилась. Во всех крупнейших сражениях русская армия наносила сокрушительные удары по пруссакам. В 1759 г. в сражении при Кунерсдорфе войска, предводительствуемые самим Фридрихом, понесли жестокое поражение и панически бежали.

Ломоносов в оде „1759 г.“ насмешливо спрашивал:

Парящий слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?

Фридрих сам понял, какую несокрушимую силу представляет русская армия. „Этих русских можно перебить всех до единого, но не победить“—сказал он после сражения под Цорндорфом.

Александр Суворов принимал участие в семилетней войне в качестве рядового офицера и решающей роли в ходе операций не играл. Взглядом талантливого полководца он видел все ошибки русских генералов и резко выражал свое недовольство грубыми ошибками главнокомандующих. Вместе с этим он всеми силами старался попасть в полевые, действующие войска. В 1760 г. он участвовал во взятии русскими войсками Берлина, где показал себя храбрым и распорядительным офицером.

В 1761 г. Суворов был назначен начальником штаба в кавалерийском отряде генерала Берга. Он с радостью принял предложение и вскоре слава о новом командире разнеслась по полкам.

Русские войска в это время осаждали город Кольберг. Для выручки осажденного гарнизона Фридрих отправил одного из лучших своих офицеров—Платтена. Суворову было поручено преградить ему дорогу к Кольбергу. Во главе нескольких полков Суворов энергично противодействовал движению прусских войск. Его стремительные и неожиданные удары вносили панику и замешательство в ряды врага. Однажды ночью во главе сотни казаков Суворов переправился через реку, сбил сторожевое охранение у важного моста через реку Варта, сжег мост и благополучно вернулся назад. Спустя некоторое время он блестяще провел крупное сражение у Арнсвальда. С расположением неприятельских войск он ознакомился совершенно случайно. Возвращаясь во время грозы от главнокомандующего Фермора, он наткнулся на прусский пикет. Прежде чем скрыться, Суворов тщательно рассмотрел расположение противника и, вернувшись в отряд, приказал выступать в поход. Еще одежда не высохла на командире, а он уже двинул своих солдат в атаку. Удар был настолько смелым и решительным, что прусская конница дрогнула и поспешно отступила за городок Гольнау. Преследуя пруссаков по пятам, солдаты ворвались в город. В донесении об этом сражении Суворов писал. „Я гнал прусский отряд штыками через весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен“.

Смелые боевые действия Суворова вскоре выделили его среди остальных офицеров. Главнокомандующий русскими войсками в Пруссии Бутурлин, сменивший Фермора, представляя Суворова к награде, отмечал, что он „себя перед прочими гораздо отличил“.

Уже во время семилетней войны, когда Суворов командовал незначительными отрядами, проявились его отличительные качества как командира: стремительность, быстрое решение сложных тактических задач, умение нащупать слабое место противника, неожиданность нападения и поразительное бесстрашие в бою. Разностороннее военное дарование Суво-

рова позволяло ему успешно руководить как пехотными, так и кавалерийскими частями.

По окончании семилетней войны Суворов был произведен в полковники и в 1763 году назначен командиром Суздальского полка, расположенного в Новой Ладоге.

Получив возможность действовать более самостоятельно, он начал обучать солдат по своему методу.

В это время в русской армии копировали прусские порядки. В армии царя была бессмысленная муштра и палочная дисциплина. Войска обучались совершенно не тому, что они должны были делать во время войны. Все это сопровождалось замысловатой, требующей много внимания, неудобной одеждой.

Суворов был ярким противником этой системы. Он считал, что главным орудием войны является сам человек. Он стремился превратить солдата-автомата в сознательного воина, обучить войска тому, что они должны делать на войне, говоря, что „тяжело в ученье, легко в походе“.

Суворов заботился о материальном положении своих войск, воспитывал в них чувство гордости и человеческого достоинства, смелость и личную инициативу. Наряду с большой требовательностью к солдату, он редко проявлял жестокость и обычно действовал методом убеждения.

Все новшества, которые он вводил в армии, вызывали негодование, осуждение и неприязнь в высших придворных кругах. А презрение к лести, коленопреклонству, фальши, солдатская простота, острый язык, пламенный патриотизм и стремление к самостоятельным действиям создали ему репутацию „чудака“. Только необходимость заставляла руководящие верхи обращаться к Суворову. Сам же он всегда стремился туда, где был слышен шум войны, где мог приложить свои могучие творческие силы. Позднее он писал: „Увы, мой патриотизм, я не могу его высказать! Интриганы отняли у меня к этому все средства“.

С 1768 по 1772 год Суворов участвовал в польской кампании. В непрерывных боях с поляками он одержал ряд блестящих побед, принесших ему широкую известность. За операции в Польше Екатерина II присвоила ему в январе 1770 года звание генерал-майора.

После польской кампании Суворов прибыл на турецкий фронт. Талант его как военного деятеля развернулся здесь с необыкновенной силой. В сражениях при Туртукае и Гирсове он показал себя блестящим полководцем.

Во второй русско-турецкой войне (1787—1791 г.) начинается новая эпопея его боевых подвигов.

Россия хоть и готовилась к этой войне, но не думала, что Турция так скоро начнет военные действия. Потемкин, назначенный главнокомандующим, растерялся, войска не были подготовлены, снабжение было поставлено плохо. Действия флота были крайне неудачными. В это время на арене военных действий появляется Суворов. Победы России в этой войне не отделимы от имени Суворова. Он нанес туркам тяжелые поражения при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и закончил кампанию взятием Измаила, после которого Турция уже не могла оправиться.

Сражение при Кинбурне разыгралось 1 октября 1787 года. В этот день под прикрытием флота турки высадились на берег и, не встречая сопротивления, стали подходить к крепости Кинбурн, занятой русскими войсками. Поведение Суворова в это время казалось окружающим весьма странным. Вместо того чтобы дать отпор наступающим, он пошел к обедне и простоял ее до конца. Суворов выжидал. Он хотел, чтобы турки вышли из полосы, где их поддерживал артиллерийский огонь турецкой эскадры, и только после этого вступить в бой. И когда турецкие солдаты были уже совсем близко, навстречу им вышла пехота, со стен крепости обрушился мощный артиллерийский огонь, а по флангам ударили казаки. Бой был продолжительный и упорный. Русские войска

несколько раз переходили в наступление и к концу дня ряды турок дрогнули. Суворов был ранен, но находился в первых рядах сражения и умело руководил боем. Свою трехтысячную армию он противопоставил пятитысячной армии турок и вышел победителем. При этом он не только отбил атаку противника, но разгромил его, лишил его дальнейшей наступательной силы.

Победа под Кинбурном нашла отклик во всей России. Всюду происходили благодарственные молебны. Екатерина II писала: „Старик поставил нас на колени, но жаль, что его ранили“. Суворова наградили одним из высших орденов.

Следующей крупнейшей победой Суворова является победа под Фокшанами в 1789 г. У Суворова было всего 7 тысяч человек. Союзники России—австрийцы, во главе с принцем Кобургским, выставили 18 тысяч человек. Но решающая роль здесь была все-таки за русскими, ее взял в свои руки Суворов, и весь бой происходил по его плану.

В ночь на 21 июля войска союзников двинулись через густой лес из Бырлада к Фокшанам. Достигнув опушки, они стали обходить лес. В это время Суворов неожиданно свернул свои войска на болото и, преодолевая огромные трудности, вывел их с той стороны, где турки совсем не ожидали нападения. Турецкие пушки были направлены в другую сторону и не могли быть использованы против русских. Фланговый удар ошеломил турецких солдат и обратил их в паническое бегство.

Измученные боем русские войска не могли преследовать противника, а австрийцы вместо дальнейшего наступления начали подсчитывать трофеи.

Передышка была умело использована турецким командованием. Оправившись от поражения, оно решило разбить поодиночке, сначала австрийские, а затем русские войска.

Сосредоточив стотысячную армию под Рымником, турки готовились обрушиться на австрийцев. Предвидя неминуемый разгром, принц Кобургский шлет к Суворову одного гонца за другим, умоляя его притти

на помощь. Когда Суворов убедился, что австрийцам действительно угрожает опасность, он послал Кобургскому короткую записку: „Иду“.

Движение было крайне трудным, солдаты шли под сильным дождем, по грязной испорченной дороге. Сделав переход в 100 верст в течение двух суток, Суворов присоединился к австрийским войскам. Этот марш был настолько быстрым и неожиданным для турок, что когда турецкому главнокомандующему великому визирю донесли о прибытии Суворова, он не поверил и велел повесить лгуна.

При встрече с Кобургом Суворов опять, как и перед боем при Фокшанах, не дал ему возможности изложить свои соображения и предложил свой наступательный план. Он настаивал на немедленной атаке, чтобы не дать противнику подготовиться к наступлению. Суворова не смутило, что русских и австрийцев было всего 24 тысячи, а турок—около 100 тысяч. Кобург в связи с этим начал было колебаться, но Суворов настоял на своем, заявив, что иначе он атакует турок только со своей, 7-тысячной армией.

Позиции турок были расположены очень выгодно: они прикрывались оврагами, рекою, лесом.

Утром 11 сентября турки, увидев приближающиеся войска, открыли по ним огонь. Один австрийский офицер, описывая это сражение, сообщает, что во время наступления, когда турецкий огонь безжалостно косил наступающих, в их среде вдруг раздался заражающий хохот. В такой момент его мог вызвать только Суворов, находящийся в первых рядах. После упорного сражения передовые русские части продвинулись глубоко во фланг противника и вынудили к отступлению турецкую конницу. Тогда на глазах у врага Суворов почти под прямым углом меняет фронт и, вопреки военной теории, бросает на штурм турецких позиций кавалерию. Ошеломленные турки, бросая оружие, бросились бежать. На мосту через р. Рымник образовалась страшная давка. Обезумевшие от страха неприятельские солдаты сталкивали друг друга

в воду и гибли в холодных волнах реки. Победа была полная.

Характерный инцидент произошел между русскими и австрийскими войсками при дележе трофеев. Австрийцы старались забрать себе побольше. Русские возмущались этим. Только вмешательство Суворова прекратило споры. Он распорядился все отдать австрийцам, заявив: „Мы себе еще достанем, а им где взять?“

Рымникская победа является одним из замечательных подвигов Суворова. И это было оценено. Войска были награждены, а Суворов получил титул графа Рымникского, драгоценную шпагу и георгиевский орден I степени. Австрия присвоила ему титул графа Священной Римской империи.

Положение русских благодаря блестящим победам при Фокшанах и Рымнике улучшилось. Но Турция все еще не соглашалась на заключение мира. Для того чтобы заставить, наконец, Турцию подписать желательный России мирный договор, решено было взять сильную, считавшуюся неприступной, крепость Измаил. Эта крепость была окружена высоким валом и рвом, наполненным водой, глубиной от 6 до 10 метров, при ширине в 12 метров. Укрепление ее происходило под руководством немецких и французских инженеров. Гарнизон крепости насчитывал 35 тысяч солдат. Штурм Измаила представлял огромные трудности. Многие русские генералы откровенно говорили о невозможности такого предприятия. И если бы не приказ Екатерины II, которая требовала до конца года взять крепость, командование не решилось бы штурмовать Измаил.

Потемкин мог поручить это ответственное дело только Суворову.

30 ноября 1790 г., получив приказ, Суворов выехал к Измаилу.

Знаменитый английский поэт Байрон в прекрасных стихах воспел русского военного гения. О приезде Суворова на позиции он писал:

Раз увидали мчавшихся дорогой
Двух всадников вдали. Наружность их

Величия являла так немного,
Что их сочли за казаков простых.
В поту, в пыли, снаряжение убого,
Они неслися на конях лихих,
Без багажа, в наряде небогатом:
То ехал сам Суворов с провожатым.

2 декабря Суворов появился под Измаилом и был радостно встречен солдатами. Под Измаилом было 31000 человек. Но они были очень плохо обучены, не одеты и плохо питались. Осадной артиллерии не было. Даже Суворову взятие крепости представлялось делом чрезвычайно трудным. Но он и не думал об отступлении. Тщательно ознакомившись с планом крепости и лично осмотрев ее укрепления, он начал разрабатывать план взятия неприступного Измаила. Наряду с этим Суворов стягивал в армию осадные материалы: артиллерию, фашины, лестницы и регулярно тренировал войска. За 9 дней, проведенных под Измаилом, Суворов проделал колоссальную работу, на которую кому-либо другому потребовалось бы несколько месяцев.

Перед штурмом Суворов выступил с воззванием к солдатам, призывая их „или победить, или умереть со славою“. Он ознакомил каждого солдата с его обязанностью во время штурма. И войска как бы преобразились. Присутствие Суворова давало им уверенность в победе.

В ночь перед штурмом Суворов обошел фронт, воодушевлял солдат, вспоминал с ними о прошлых победах.

Перед началом штурма было послано предложение коменданту крепости сдаться. Комендант ответил: Скорее Дунай потечет обратно, чем Измаил будет сдан.

После этого Суворов отдал приказание начать артиллерийскую подготовку. 600 орудий открыли огонь по крепости.

11 декабря, в 3 часа ночи, русские войска двинулись на Измаил. В 5 часов 30 минут, по второму сигналу, начался знаменитый штурм, прославивший

Суворова и его солдат. Русские под сильным ружейным и артиллерийским огнем перебрались через ров и бросились на приступ. Суворов впервые находился не в первых рядах боя, а на наблюдательном пункте. Отсюда он руководил штурмом, отдавал распоряжения, посылал подкрепления. Когда Кутузов, ученик Суворова, со своим отрядом оказался в очень тяжелом положении, Суворов написал ему записку: „Назначаю вас комендантом Измаила“. Это стало известно солдатам и придало им силы. Впоследствии Суворов так охарактеризовал действия Кутузова: „Он шел на моем левом крыле, но был моей правой рукой“.

К 9 часам крепостной вал был занят и бои начались в городе. Каждая улица и каждый дом защищались отчаянно, но под натиском русских солдат сопротивление было сломлено. К 4 часам дня весь город был занят русскими. Измаил пал. Турецкая армия перестала существовать. Из 35 тысяч турок, 26 тыс. было убито, 9 тыс. ранено.

Руины представляя лишь собою,
Пал Измаил, как дуб могучий,
Взлелеянный веками великан,
Что вырвал с корнем грозный ураган,
(Байрон).

Это была великая битва, о которой Суворов сам говорил, что на такой штурм можно решиться только раз в жизни. А русские солдаты, находясь в Измаиле, удивлялись, как они взяли его неприступные стены.

С Турцией был заключен мир. Суворова произвели одиннадцатым подполковником Преображенского полка (полковником числилась Екатерина II). В память взятия Измаила была выбита медаль с профилем Суворова.

Суворову завидовали придворные интриганы. Среди них оказался фаворит Екатерины II—Потемкин. По его настоянию Суворов был отправлен в Финляндию.

Все эти „награды“ Суворов называл впоследствии „стыдом Измаильским“, так как за такую беспример-

ную победу, прогремевшую на весь мир, он вправе был получить фельдмаршальский жезл. Заседавшая в Систове конференция враждебных России держав, узнав о падении Измаила, прервала свою работу. Со всех концов Суворову сыпались приветственные и поздравительные письма.

Однако только после штурма Праги в 1794 году, напоминавшего штурм Измаила, Суворов получил звание фельдмаршала.

III

В 1796 г. на престол вступил Павел I, в военной области поклонник прусской системы, стремившейся превратить солдат в автоматов, главное внимание обращавший на внешнюю выправку, чистоту и одновременность в выполнении ружейных приемов и перестроений. Малейшее уклонение от установленной нормы, пустяжное нарушение жестокой дисциплины или неточное исполнение команды влекло за собой жестокие наказания „провинившихся“. Бывали случаи, когда целые воинские части прямо с учебного плаца отправлялись в ссылку в Сибирь. Естественно, что Суворов не мог сжиться с сумасбродным императором, он был уволен и сослан в село Кончанское. Его имя изгонялось из армии.

Ссылка в Кончанское была для Суворова очень тяжела.

За ним была установлена унижительная слежка. Ему запрещалось принимать у себя, выезжать самому и переписываться. Суворов думал, что его жизнь уже кончена, как вдруг, в феврале 1799 г. Павел I вызывает его в Петербург и назначает, по просьбе Англии и Австрии, главнокомандующим русско-австрийской армии, действовавшей против французов.

Суворов не вникал в политическую сущность русско-австрийского союза. Он хотел только избавиться от гнетущей, унижительной обстановки, в которой он жил последние годы. Он рвался к своим солдатам, к своей родной стихии.

Великий полководец, еще недавно угрюмый и пе-

чальный, весь преобразился. Куда девались его слабость и болезненности! На другой же день после получения царского рескрипта он отправился в Петербург. Но он не имел денег даже на дорогу и вынужден был занять 250 руб. у старосты. По приезде в Петербург он был восстановлен в фельдмаршальском чине и награжден орденами. Павел I разрешал ему вести войну, как он сам хочет, по-своему, по-Суворовски.

14 марта 1799 года, с прибытием Суворова в Вену, началась итальянская кампания. Французские войска, насчитывавшие 90 тысяч и возглавляемые талантливыми генералами, к этому времени не раз били австрийцев и заняли уже большую часть Италии.

Армия Суворова состояла из 30 тыс. русских и 86 тыс. австрийцев.

15 апреля (по новому стилю) 1799 г. Суворов прибыл в г. Валеджио. Здесь ему пришлось обучать австрийцев новым приемам боя. Это, конечно, не нравилось австрийцам, которые хотели видеть гениального полководца в роли подчиненного.

19 апреля началось наступление. С 40-тысячной армией двинулся Суворов в глубь Италии, на Милан, тесня французов. Жестокий бой разгорелся у р. Адда, в результате которого французы, под командованием генерала Моро, начали отступать, потеряв 2 с половиной тысячи убитыми и 5 тысяч пленными. Эта битва имела не столько стратегическое, сколько моральное значение, так как выигрыш первого сражения поднимал дух армии и авторитет Суворова среди австрийских солдат.

29 апреля войска Суворова вступили в Милан. Ломбардия была завоевана.

Пробыв 3 дня в Милане, Суворов двинулся к реке По (на Пьяченцу), чтобы помешать соединению французских армий Макдональда и Моро.

Обстановка, в которой находился теперь Суворов, была крайне тяжелой и напряженной: перед ним был искусный враг, разведка действовала плохо, ему приходилось вести внутреннюю борьбу не только с ав-

стрийскими, которые вечно стояли у него на пути, но даже и с русскими генералами.

26 мая Суворов занял Турин. Получив подкрепления, он пошел на Александрию, а оттуда двинулся к Страделлу.

Едва измученные большим переходом войска Суворова расположились на отдых, как прискакал гонец с сообщением о том, что Макдональд решил до прибытия Суворова уничтожить авангардный австрийский корпус. Суворов сейчас же поспешил на выручку. Дела австрийцев были очень плохи. Гибель авангарда могла поставить в тяжелое положение всю армию. Измученные солдаты, подбадриваемые Суворовым, буквально бежали к месту боя. Изнемогая от жажды, при пятидесятиградусной жаре совершали они беспрецедентный переход. Новый гонец принес еще более тяжелую весть—французы теснят, австрийский корпус едва держится. Тогда Суворов с четырьмя казачьими полками и двумя полками австрийских драгун, не дожидаясь подхода всей армии, помчался вперед. С прибытием Суворова картина битвы резко изменилась. Вихрем налетели русские конные полки на французов и вынудили их потесниться назад. Наконец, по мере прибытия, прямо с дороги, без отдыха, начала вступать в бой пехота. В результате лихой атаки французы отступили.

18 июня Суворов завязал новую битву на р. Требби. Сначала в битве участвовало равное количество как с той, так и с другой стороны. Но в самом разгаре боя к французам раньше ожидаемого срока подошли подкрепления. Положение становилось серьезным. Первый день битвы прошел, не принеся союзникам победы. Французы не потеряли своей боеспособности. На другой день бой завязался с новой силой. Положение русско-австрийских войск было весьма напряженным. Французы прорвали передовую цепь и начали теснить русские части. Сказалось неравенство сил. Напор французов не ослабевал. Русские полки дрогнули и побежали.

Казалось все погибло. Но гениальный Суворов нашел быстрый и остроумный выход. Его белая рубаш-

ка замелькала среди бегущих солдат. „Заманивай, заманивай“—кричал он своим бойцам. И солдаты, верившие каждому слову командира, решили, что это вовсе не бегство, а ловкий маневр их непобедимого полководца. И когда от паники не осталось и следа, Суворов властно скомандовал: „Стой!“ Полки остановились и, круто повернувшись, ударили по врагу. Французы, не ожидавшие такого оборота, считавшие, что победа на их стороне, растерялись и бросились врассыпную. Талантливейший французский полководец Макдональд был вынужден признать свое поражение.

Одержав блестящую победу при Треббиа, Суворов решил быстрым броском достичь армии Моро и разгромить его до того момента, когда остатки армии Макдональда присоединятся к нему. Но австрийцы вновь стали на пути русского полководца. Их преступная медлительность привела к тому, что войска Моро и Макдональда соединились в Генуе. Во главе объединенного войска встал присланный из Парижа генерал Жубер.

Рано утром 15 августа русские и австрийские войска перешли в наступление. Бой продолжался весь день. Три раза солдаты бросались в атаку, но французы держались стойко. Только во время четвертой атаки французы дрогнули и стали отступать. Как и в предыдущих боях австрийцы не оказывали в этом сражении существенной помощи Суворову. Убедившись, что поддержки от „союзников“ не дожидаться, Суворов приказал прекратить преследование неприятеля и расположил свою армию в окрестностях Нови.

IV

Когда Италия благодаря русским войскам и Суворову была очищена от французов, „союзница“ России—Австрия решила, что теперь она уже сама в силах „навести порядок“ в захваченных районах. Чтобы избавиться от Суворова, австрийцы предложили Павлу двинуть его армию в Швейцарию.

Ограниченный царь не сообразил, что австрийцы хотят и на этот раз загребать жар чужими руками.

Он согласился с планом, предложенным австрийским правительством, и предложил Суворову перевести свои войска в Швейцарию, где, соединившись с корпусом Римского-Корсакова, начать военные действия против французов.

Суворов видел всю бессмысленность царского приказа. Он прекрасно понимал истинную сущность австрийского проекта и категорически протестовал против него. Старый полководец предугадывал, что восьмидесятитысячная французская армия Массена, расположенная в Швейцарии, не будет ожидать прибытия Суворова и разгромит Римского-Корсакова. „Хотя в свете ничего не боюсь,—писал Суворов,—в опасности от первого, мало пособят мои войска отсюда, и поздно“. Об австрийском министре Тугуте, авторе подозрительного швейцарского плана, Суворов с раздражением говорил: „Сия сова не с ума ли сошла, или никогда его не имела“.

Но приказ—был приказ. И старый солдат, скрепя сердце, повел своих воинов в неизвестность.

Это был трудный, беспремерный в истории переход.

Желая быстрее притти на помощь Римскому-Корсакову, Суворов избрал путь через горный перевал Сен-Готард.

Суворов ехал впереди, покрывшись легким плащом. Вечером 4 сентября 1799 г. суворовский отряд (всего—20 тысяч) достиг Таверно. Здесь австрийцы должны были подготовить для Суворова 1500 мулов и продовольствие. Но ни того ни другого не оказалось. Австрийцы сознательно обрекали Суворова на поражение. Но никакие лишения не могли сломить волю железного полководца. Он приказал снести своих людей и использовать их лошадей вместо мулов. Были приняты все меры, чтобы обеспечить людей продовольствием. С большим трудом удалось добыть продуктов на 7 дней.

10 сентября отряд двинулся дальше. Начались суровые швейцарские горы. Под холодным дождем солдаты шли по узким, скользким тропинкам, рискуя ежеминутно сорваться в пропасть. Французские вой-

ска заранее заняли выгодные позиции, их приходилось выбивать из узких горных ущелий.

14 сентября произошел знаменитый бой у Чортова моста. Этот шаткий мостик висел над бурной горной рекой Рейсс высоко в горах. Подступы к нему шли через узкое ущелье. Как только русские солдаты попытались прорваться через ущелье, они были встречены градом французских пуль. После первой же попытки Суворов понял, что лобовой атакой к переправе прорваться нельзя. Он послал два отряда в обход французским войскам. Первый отряд под руководством полковника Трубникова пополз по страшным отвесным скалам, цепляясь за ненадежные камни и расщелины. Второй отряд вброд перешел ледяную воду реки и оказался в тылу у неприятеля. Защитники моста в панике отступили. Они даже не успели уничтожить мост через бурную реку, а только повредили его. Сломав стоявший вблизи деревянный домик, суворовские солдаты перевязали бревна шарфами и закрыли отверстие моста. Несмотря на огонь французских стрелков, презирая опасность, русские воины провалились по шаткому мостику на другой берег реки.

Перейдя Чортов мост, Суворов еще раз убедился, что австрийцы проводили подлую предательскую политику. Австрийские генералы уверяли русского полководца, что по обеим сторонам Люцернского озера имеются дороги в Швиц, где Суворов назначил встречу с Римским-Корсаковым. В действительности никаких дорог здесь не было. Русские солдаты оказались в центре диких неприступных гор. Надвигалась осень. Нехватало пищи. Холодные ветры обдували продрогших, измученных воинов. Семидесятилетний Суворов вместе со всеми солдатами переносил трудности и лишения. Чтобы вырваться из ловушки, он приказал начать 19 сентября переход через горный хребет—Росшток. Историк войны 1799 г. Милютин так описывает этот невиданный дотоле переход: „началась борьба с природой. Впереди следовал отряд Багратиона, выступивший в 5 часов. Путь был невероятно труден. Тропинка делалась все круче, а местами и вовсе исчезала на скалах. Войска должны были взбираться

поодиночке то по голым камням, то по скользкой глине; в иных местах приходилось карабкаться как бы по ступенькам, на которых не умещалась и подошва; в других—мелкие камешки осыпались от каждого шага; далее приходилось вязнуть в рыхлом снеге, которым одета вершина хребта. Тяжело было и пешим взбираться на такую гору. А каких трудов стоило провести лошадей и мулов, навьюченных орудиями, зарядами и патронами! Бедные животные едва передвигали ноги; они нередко обрывались с узкой тропинки, летели стремглав с кручи и разбивались о камни. Случалось, что лошади увлекали с собой и людей; каждый неверный шаг стоил жизни. Часто темные облака, проносясь по скалам гор, охватывали колонну густым туманом, обдавали холодной влагой до того, что войска были измочены, как проливным дождем... Спуск с вершины хребта был не менее труден, чем подъем; от бывших перед тем дождей грунт был до того вязким и скользким, что во многих местах приходилось сползать по крутым скалам*.

В тот момент, когда суворовский отряд переносил невероятные лишения в неприветливых швейцарских горах, Массена разгромил корпус Римского-Корсакова. Спустившись в Муттенскую долину, Суворов оказался лицом к лицу с врагом, в три раза превышающим его численностью.

Вечером 17 сентября Суворов собрал военный совет. Не прикрашивая жуткую обстановку, он сказал своим командирам: „Со времен Прута* русские войска не были в подобном безвыходном положении... Теперь мы среди гор окружены неприятелем, превосходным в силах. Что предпринять нам? Итти назад—постыдно; никогда еще не отступал я. Итти вперед к Швицу—невозможно: у Массена свыше 60000, у нас нет и двадцати. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели... Теперь одна остается

---

* В 1711 году на реке Прут была окружена турками армия Петра I.

надежда... на храбрость и самоотверженность моих войск! Мы русские!..."

С замечательным искусством расставив силы, Суворов отбросил французские войска, прикрывавшие ему дорогу, и вышел из окружения. Генерал Массена, имея в своем распоряжении около 60 тыс. солдат, не решился преследовать героических суворовцев.

В начале октября Суворов прибыл в Гларис. Оставался еще один переход—через снеговой хребет Ринненкампф (Паникс).

После непродолжительного отдыха, измученная, но еще грозная армия выступила в поход.

Этот последний переход в снежную вьюгу, через высокие обрывистые скалы, поразил даже видавших виды суворовских орлов. Один из участников похода вспоминал впоследствии: „Горы, которые мы переходили сплошь, то спускаясь, то поднимаясь, были ужасно высоки, обрывисты, с глубокими пропастями... Сырой туман обнимал нас... Дождь и снег сыпья осыпали, и холодный, резкий ветер валил с ног... Но двигались быстро, бодро и без малейшего ропота... Александр Васильевич был на своей старой лошади верхом, на казачьем седле; в синем плаще, старом, ветротленном; у форменной шляпы поля были опущены“.

7 октября армия Суворова спустилась в долину. 31 августа, отправляясь в швейцарский поход, армия насчитывала 20 тыс. человек. Сейчас в ее рядах осталось 15 тысяч. Если учесть все трудности, которые пришлось преодолеть русским войскам в борьбе с природой и врагом, то станет ясно, что потери эти—ничтожны. Осматривая свои оборванные и измученные полки, Суворов с гордостью сказал: „Орлы русские облетели орлов римских“.

Весть о беспримерном швейцарском переходе поразила весь мир. Французский генерал Массена сказал, что он готов отдать все свои походы за один суворовский поход. Энгельс, спустя много лет, отзывался о переходе через Паникс как о „самом выдающемся из всех современных альпийских переходов“.

На швейцарских картах путь, который прошли русские войска, сейчас обозначается: „Путь Суворова“.

И только у тупого Павла I выдающийся героизм русских войск и блестящее руководство Суворова не вызвали никаких чувств.

Осмотрев возвратившиеся войска, он нашел только, что „войска потеряли вид“, а „шаг—не по уставу“.

20 апреля 1800 г. полководец, увенчанный мировой славой, по приказу царствующего самодура, въехал в Петроград ночью, в простой кибитке. В кармане у него лежало извещение царя об отмене торжеств, назначенных в его честь...

Спустя 16 дней весь мир узнал о смерти Суворова.

* * *

Долгий и тяжелый путь, полный опасностей и лишений, прошел величайший русский полководец. 55 лет непрерывной военной службы, участие в многочисленных боях и походах создали ему славу, которая гремела далеко за пределами России. Русские солдаты считали его своим другом и преклонялись перед его авторитетом. По отзыву генерала Дерфельдена, достаточно было одного присутствия Суворова, чтобы обеспечить победу русской армии. Появляясь в простой белой рубашке на самых ответственных участках боя, он воодушевлял своих солдат на беспримерные подвиги. Солдаты любили его за простоту, насмешливый, народный язык, за строгость и мужество в бою. Суворов личным примером воспитывал у русских воинов презрение к смерти, выносливость, бесстрашие перед врагом. Военное искусство Суворова было самым передовым в его время. В то время как вся Европа преклонялась перед прусской военной системой, Суворов решительно отбросил ее и настойчиво проводил в жизнь свою собственную систему ведения боя и подготовки солдат.

Основное в бою, по мысли Суворова, быстрая маневренность, решительное наступление на врага, неожиданный удар мощным кулаком по наиболее слабому месту противника. В одной из своих „инструкций“

Суворов писал: „Неприятель думает, что мы за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него, как снег на голову; рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполонину“.

Основная задача, которую Суворов ставил перед своими войсками, заключалась в уничтожении живой силы противника. В решении этой задачи исключительно важную роль играл в тот период штыковой удар. Ни одна армия в мире не могла устоять перед могучим штыковым ударом русских солдат. И Суворов прекрасно использовал эту характерную особенность русской армии. „Пуля—дура, штык—молодец“—часто говорил он солдатам.

Перед каждым боем Суворов тщательно изучал силу противника, широко используя разведку. „Никогда не пренебрегайте вашим противником,—учил Суворов,—но изучайте его войска, его способы действий, изучайте его сильные и слабые стороны“. Именно эта тщательная подготовка к бою, быстрая маневренность войск, сильные и внезапные удары по врагу обеспечивали Суворову успех в многочисленных сражениях.

Огромный практический опыт, блестящее знание военной истории позволило Суворову создать краткую, но весьма богатую по содержанию, инструкцию— „Наука побеждать“. В 1796 г. эта инструкция была принята для обучения всей русской армии. И хотя уже через год царствующий самодур Павел I отменил ее и ввел прусский устав, суворовские принципы оказали колоссальное влияние на дальнейшее развитие военного искусства в России. Характерно, что порядок боевого построения войск Суворова в крупнейших сражениях был почти буквально воспроизведен впоследствии Наполеоном. Это свидетельствует о том, что полководческое искусство Суворова имело огромное влияние на развитие военной мысли и в Европе.

Русский народ свято хранит память о гениальном полководце генералиссимусе Александре Суворове. Героические суворовские традиции продолжают сейчас на полях сражений доблестные воины Красной Армии. Мужество наших славных предков воодушевляет их на борьбу с заклятым врагом советского народа — Гитлером. Могучие суворовские удары обрушиваются на фашистских мерзавцев, стремящихся к захвату советской земли, к порабощению советского народа. Гитлер и его кровавые банды найдут гибель на нашей земле, как нашли ее многие захватчики, посягавшие на независимость русского народа.

313418

Саратовское областное государственное издательство. 1942

Отв. редактор *И. Фомин*

Корректор *З. Чуднова*

Подписано к печати 20/1 1942 г. НГ18792. Тираж 15000. Учет.-изд. л. 1,25. Печ. 1 $\frac{1}{2}$ л. Знаков в бум. л. 64000. Цена 25 коп.

Саратов. Типография ОУМП. Зак. № 150.